

**Сергей Пыхтин, Андрей
Савельев
НАЦИОНАЛИЗМ:
тотальная борьба идей**

*Издание памяти С.П.Пыхтина,
к 70-летию со дня рождения
Москва, 2016*

В сборник включены статьи с середины 90-х до 2011 года, посвященные идеологической борьбе и утверждению русского мировоззрения в политике, освобождению Русского политического движения от иллюзий и умозрительных схем.

Большинство статей издавались в журналах "Русский дом" и "Золотой лев". В книге они соединены в монографию, представляющую целостную идеологическую концепцию.

Предназначается для политиков, политологов, историков, для всех, кто был включен в события на рубеже веков, происходящие в России или интересуется их ходом и смыслом, а

также полемикой вокруг будущего устройства государства и его правовых и идейных ориентиров.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Признать нацию	
Народы и нации	13
Клеветники России и факты истории	20
Кризисы становления	27
Идеологический порок коммунизма	32
Национализм и будущее России	36
Выход из идеологической неразберихи	42
Сберечь нацию	
Русские в неволе не размножаются	48
Национальный демографический проект	55
Страсти по символам и смыслам	
Возвращение к ясности	64
Борьба за символический капитал	69
Россия для русских и русские для России	78
Национальная гордость	83
Актуализация традиций и становление нации	
Что понимать под традициями	87

Фундаментальные традиции	88
Традиции второго порядка	91
Что может сохранить традиции	93
Интеллигентский маразм	95
Человек без идеологии - дикарь, нация без идеи - сброд	106
От конгломерата народов России к русской нации	110
Новая русская революция	114
Три источника национальной идеи	115
Оценка ситуации социализмом, либерализмом, национализмом	
Равнодушие и нелюбопытство - главные враги русской нации	119
Алгоритмы русских революций	
С точки зрения русского национализма	124
Национальная политэкономия	127
Познание элементарного – преодоление незнания	132
Чем больше благ, тем больше нищеты	
Молох олигархии	140
Последствия денежного фетишизма	148
Финансовый паразитизм	150
Пролог потребительской революции	152
Новый строй, которому нет названия	155
Заговор против самих себя	157
Капитализм плюс варваризация всей страны	159
Такая экономика не может быть эффективной	162
Традиции против олигархии	165
Спасительный шанс национальной революции	167
Национализм в экономике	170
Национализм против олигархии	172
Нигилизм под видом национализма	178
Псевдонационализм	182
Недобросовестное цитирование	
Бедный Ницше	185
Что у трезвого на уме...	193
Только бы не империя!	198
Народ не того качества?	200
Не тот электорат	202
Доказательства недоказуемого	205
Идеи, которые нам выбирают	213
Жить в государстве. Вот только каком?	215
Что делать? И кому?	219
Вокруг и около борьбы общественных идей	224
Подделка под национализм	231
Впереди – тотальная борьба идей	235
Принципы и стратегия русского национализма	246
Национальный манифест	252
Детские болезни русской идеологии	
Век революций	262
Русофобия и русофагия	266
Возрождение демоса	269
Программные ориентиры	271
	273
	277

Предисловие

Идеологическая борьба русского национализма в современной России состоит в том, чтобы избавить русское политическое движение от ложных ориентиров. Этому посвящена книга Сергея Пыхтина, включившая его публикации, начиная с середины 90-х годов XX века до 2011 года, а также некоторые материалы, подготовленные нами совместно или под влиянием Сергея Петровича. Общность взглядов и творческое общение в течение двух десятков лет позволяет представить читателю целостный труд, который автор не успел полностью структурировать и завершить при жизни. Мы, его друзья, выпуская его книги и представляя русской интеллектуальной публике его творческое наследие, больше всего озабочены интегральным представлением идей русского национализма. Причем не в сухо изложенных параграфах и пунктах, а в живой полемике, которой Сергей Пыхтин уделял большое внимание. Полемические произведения ярко высвечивают идеи, столь необходимые современной России для преодоления кризиса. Прежде всего, кризиса мировоззренческого.

Если бы разруха была только в головах у власти, это было бы не так страшно. Надо признать, что разруха постигла и сознание образованных слоев населения, а особенно сильно затронула молодежь, в которой встречаются самые причудливые смешения прежних политических догматов.

Бюрократия, меняя идеологические лики, подбрасывает ленивому сознанию универсальные лозунги. То общественный интерес предопределяет успех страны, то частный интерес выставлен как панацея, то «сильная исполнительная» власть возьмет на себя все проблемы и справится с ними. Такие догматы меняются как узоры в калейдоскопе, а замороженный зритель рад обманываться: критическое сознание отключено и жизнь прекрасна. Пока не приходит время: подсчитали – прослезились. Но это уже потом, когда власть переделана и отдана в руки заказчиков очередной иллюзии.

Современная публицистика, заказчиком которой является все та же олигархия, навязывает измененные значения терминов. И возникает какое-то уже почти ласковое именование: «наш олигарх». Про какого-нибудь патентованного ворюгу, которому место в тюрьме или на плахе. «Олигархами» не прочь числиться даже вполне приличные предприниматели. Всего лишь потому, что где-то на местном районном уровне занимают видное место и служат поводом для пересудов сплетников. Меж тем олигарх – враг предпринимателя. Самый злейший. Олигарх и предприниматель – антиподы. Первый покупает власть и через власть добивается получения доходов от монопольного положения, доступности казны, внеэкономических решений. Олигархами назначал своих приближенных Ельцин, потом тем же стал заниматься Путин. Все эти люди не имеют никакого представления о предпринимательстве. Их деятельность – один из видов воровства. А предприниматель выше дохода и прибыли ценит свое дело. Поэтому готов спасать производство даже в условиях, когда терпит убытки. Он отвечает за своих работников, за технологию, за управленческую эффективность. Олигарху все это не интересно. Он и так неплохо устроился. Предприниматель создает ценности (потребительские товары и услуги), а олигарх манипулирует фиктивными ценностями и наживается на уничтожении производства.

Самооправдание бюрократии проводится через заказ публицистики и исследований, которые представляют бюрократию просто как сословие чиновников. Мол, как же можно выступать против бюрократии, без которой управление государством невозможно?! На самом деле чиновник должен исполнять волю нации, а бюрократ исполняет волю начальства. Чиновник должен жить по закону и не делать ничего сверх закона, а бюрократ не делает ничего по закону, а лишь заглядывает в глаза вышестоящему чиновнику и ищет там оправдания любой подлости. Бюрократия рождается из узурпации

власти, из подавления нации, из преступления перед народом и страной. Бюрократ – злейший враг гражданина, враг нации и государства.

Оправдание бюрократии происходит через отождествление чиновника и государства. В результате при очевидной бюрократизации госслужбы, гражданин переносит свою ненависть с бюрократа на государство. А это нелепость. Государство не тождественно чиновнику, начальство – не государство. Легитимная власть не принадлежит чиновнику. Она либо от монарха, либо от нации. Либо от того и другого вместе. А бюрократ – противник государства, противник закона. Он хочет управлять по произволу, а не по закону, служить не нации и государству, а своей корпорации.

Ложной ориентацией пытаются склонить к совершенно непродуктивной деятельности, которая подкрепляет олигархию и бюрократию, облегчая жизнь обывателя. Проповедники «малых дел» с социалистической ориентацией говорят: не надо слов – лучше помогайте людям в их конкретных проблемах. И за это люди вас поддержат, и, может быть, приведут к власти. На самом деле обыватель только и ждет подачек: чтобы ему «на блюдечке с голубой каемочкой» кто-то принес что-то бесплатное, а он еще будет кочевряжиться и манерничать. Вся эта помощь ничуть не проясняет сознание. Она удовлетворяет благотворителя тем, что он, якобы, выполнил свою функцию и уже больше ничем и никому не обязан. А благодетельствованного развращает тем, что лишает необходимости думать об источниках социальных нестроений. Обывателю плевать на политику и национальные интересы вовсе не потому, что ему недостаточно часто преподносят подарки, а по состоянию души. Это биомасса. По достоинству этой биомассе и растительная жизнь. Нас интересуют мыслящие люди. И только этот слой может быть продуктивным. Биомасса способна только на бунт. А в бунте мстят первому встречному, а не громят врагов нации.

Социализм проникает в качестве ошибочного синтеза и в национальное движение. Национал-социализм, не имея идейной основы, получил символическое значение в умах малообразованной молодежи как прямая противоположность либеральному космополитизму. Возникла даже НС-субкультура, то и дело заимствующая символы и лозунги у врага, битого нашими дедами в Великой отечественной войне. Якобы национал-социализм тем и привлекательнее просто национализма, что в нем есть нечто «социальное», социальные программы. На деле никаких программ нет, а есть только замороченное сознание, которому ввинтили меж здоровыми мыслями дикую: взять на вооружение идеологический символ гитлеровской Германии (злейшего врага русских) и абсурдно соединить противоположности интернационализм (без которого не бывает социализма) и национализм.

Теоретики социализма пытаются теперь опереться на немецких философов, совершая элементарную подтасовку: где под социализмом понимали просто «социальное», теперь втискивают интернациональную доктрину. Исторический опыт говорит нам: никакого иного социализма в России, кроме того, который был, существовать не может. И это означает, что для национализма никакой социализм попросту не нужен. В национализме содержатся все элементы социальности, которые необходимы. Лепить бирку национал-социализма на русское движение – значит, оказывать услугу олигархии.

В том же духе ложный синтез, приемлемый для олигархии, но вредный для русского движения – в попытке присоединить к русскому движению сталинизм. Что может быть абсурднее превращения в кумира русских людей очевидного инородца, русофоба, загубившего миллионы русских не только своей животной ненавистью к свободному мышлению и свободной жизни, но и от элементарной дури! Как может разрешить русские вопросы опыт сталинизма? Никак. В нем лишь навыки озверелой бюрократии по уничтожению всего русского и физическому истреблению русского народа. И не надо сталинизму приписывать Победу. Победили не идеологией сталинизма, а русским духом, русским подвигом, русским умом. Сталинизм тяжким грузом висел на

плечах воюющего народа, понуждая худшую его часть к доносительству, идеологическому догматизму, бумажной волоките. И это в условиях войны! Сталин не был великим стратегом. Он два года на крови миллионов учился элементарным знаниям, которым владели командующие фронтами и руководители Генштаба. Потом научился. И в этом есть оправдание сталинизма? Сталинизму, этой оголтелой форме бюрократии, нет никакого оправдания и никакого места в русском национальном самосознании.

В субкультурах постепенно складывается оригинальная версия воинствующего атеизма, приобретающего придуманные формы славянского язычества, свободно оперирующего отдельными языческими символами и именами, но не имеющего к историческому язычеству славян никакого отношения. Игры в «немцев» (заимствования повадок из советских фильмов о войне) или в «язычников» (обычно эти игры не читали даже трудов академика Рыбакова) – от лукавого. Тем не менее, нам есть что заимствовать из немецкого интеллектуального наследия (от Гегеля до «консервативной революции»). А в образах, пришедших из дохристианского прошлого, нам нужно уважать глубинные корни нашего народа: без них Слово о полку Игореве стало бы пресной хроникой. Но есть и другие образы, есть смыслы исторического опыта, история человечества. Языческие образы в национальном самосознании – незначительный пласт. Пусть он будет. Но не надо выпячивать его как нечто самодостаточное.

Третье поветрие, связанное с вторжением на территорию русского национализма – новодел национальных демократов. Его явление в российской политике связано с попыткой перелить энергетику русского движения, проявившегося 11 декабря 2010 года на Манежной площади, в совершенно деструктивное русло под сепаратистским лозунгом «Хватит кормить Кавказ!». Сочетание политических свобод с национальными интересами – вполне позитивная программа – превращается в соблазн пойти вместе с либералами против действующей власти, и даже уступить либералам лидерство в этом альянсе. Подчинение национального движения либеральной фронде ярко выразилось в многолюдных митингах конца 2011 года, когда массивными финансовыми вливаниями удалось вывести на улицу десятки тысяч интернет-тусовщиков.

Еще один порок русского движения - «бесплотная духовность» почвеннической интеллигенции, которая пыталась и до сих пор пытается говорить языком столетней давности, когда национализм только ещё входил в политический лексикон русской публицистики. Подобная «духовность» убеждала разве что малые группы, кучковавшиеся вокруг изданий, потерявших массового читателя. Причём, такие группы ревниво враждебны к подобным же группам.

Нам нет никакой надобности выбирать из плохого и очень плохого. Не имеет никакого смысла выбор между социализмом и капитализмом. Это ложный выбор, отвлекающий от национальных интересов. Нет необходимости противопоставлять частный и общественный интерес. Национальный интерес балансирует то и другое. Нам нет нужды ввязываться в спор «леваков» меж собою: либерализм и социализм – сугубо «левые», космополитические идеологии, гибель каждой из которых нас может только радовать.

Русским националистам надо избавляться от невежества, от всякого рода маргинальщины, от сектантских выдумок. Русский должен не растравливать в себе безотчетные чувства (они легко насаждаются системой либеральной пропаганды), а искать научную основу национализма. Только в этом случае практика борьбы за русское будущее, за русификацию России принесёт позитивные плоды.

Нахрапистость – это проявление слабости. Сильные духом не ведут себя как шпана, случайно поймавшая удачу. Воля к власти – это не внешняя форма. Чиновник, алкающий повышения по службе – жалкое ничтожество, не понимающее, что есть власть. Дорвавшийся до казны коррупционер имеет волю не к власти, а к наслаждениям, из которых самое сладкое – иллюзия обладания всеми наслаждениями мира, будто бы

доступными «за большие деньги». Русским националистам (особенно молодежи) не стоит копировать эти убогие взгляды на жизнь.

Воля к власти – явление коллективного порядка, в котором индивид видит своё место в строю и исполняет свою миссию в процессе утверждения государства (власть вне государства тоже требует воли, но это другая тема). Среди русских хватает тех, кто понимает свою миссию, но у нас недостаточно солидарного единства в этом понимании, недостаточно совокупной воли. Она размыта годами коммунистической, а потом либеральной деспотии. И только кризис проясняет сознание, открывая людям, что все их «прагматические» расчёты – ничто, что все их деньги и материальные приобретения обращаются в прах. Когда выживание индивида ставится под вопрос, у него есть выбор – приобщиться к воле нации, воле к власти, или издохнуть как утративший способность жить кусок биомассы.

Наш фронт пролегает по границе, за которой начинается космополитизм, интернационал, чужие и чуждые ценности и интересы. Космополитизм многолик и хитер в своих уловках. Видеть эти уловки и не попадаться в терминологические сети, не тратить силы в ложных конфликтах, не творить себе кумиров из собственных врагов – задача настоящих русских националистов.

Крайне опасно внесение в среду националистов путаницы, в которой государство объявляется «враждебным». Государство Россия – наше достояние, которое отнято у нас и должно быть нам, русским, возвращено. Считать наше богатство нам «враждебным» – нелепость. Никакая политическая теория не отождествляет корпус чиновников с государством. Не надо путать государство и государственную власть. Не надо путать родину с начальством. Государство Россия – наше, власть в нём сейчас – чужая. Государство должно быть спасено и сохранено, враждебная власть – заменена. Конец должен наступить для режима, а государство должно продолжиться. Собственно, это и есть единственный выход из кризиса.

В современной России есть много того, что стоит сохранять и защищать. Но есть и то, что должно уйти в небытие вместе с олигархией и обслуживающей её бюрократией. Лозунг «чем хуже, тем лучше», мягко говоря, неумный. Лучше для кого? Хуже для кого? В этом лозунге клич нигилизма. Для русских националистов пригодны иные лозунги – более ясные и «адресные».

Чужая власть никогда не пойдёт на те антикризисные меры, которые предлагаются националистами. Потому что это от этого оскудеет кормушка поклонников «золотого тельца». Важно, чтобы антикризисные программы у националистов были не «реформистскими», а концептуальными. Именно такое видение было представлено в «Национальном Манифесте» (2009), одним из авторов которого был Сергей Пыхтин. Речь идёт не о том, чтобы что-то оптимизировать в действующей экономической и политической системах, утверждённых в России Ельциным и Путиным. Необходимо эту систему заменить другой. И знать какой именно. Мы своё видение представили и будем дальше разрабатывать позитивную программу. По пути коммунистов, которые хотели разрушить «мир насилия», а затем построить на развалинах «новый мир», нам идти не пристало. Свою страну в развалины превращать не стоит. Мы должны знать не только, что мы хотим убрать из нашей жизни, но и то, что хотим в ней утвердить.

Национальное движение не должно действовать там, где нет элементарного взаимопонимания и стремления объединиться на общей платформе. Действие хорошо, когда имеет верные ориентиры. Шествия людей, объединённых солидарностью толпы, бессмысленно. Поэтому прежде – интеллектуальная работа, создание единства, в котором разрешены все «проклятые» вопросы и ведётся непрерывная работа над анализом меняющейся ситуации, выстраивание прогнозов будущего и формирование программных разработок, посвящённых изменению этого будущего в соответствии с избранными целями и ценностями.

Творчество Сергея Пыхтина – это попытка представить опыт интеллектуального проникновения в смыслы современной истории и дать целеуказание для последующих идейных исканий и политической практики. Издавая очередную книгу нашего друга, мы надеемся, что она послужит оздоровлению русского политического движения и послужит вкладом в наше общее дело возрождения России.

Андрей Савельев

Признать нацию

Народы и нации

Описанием и изучением племен, народностей и народов мир занимается несколько тысяч лет. С древнейших времён до наших дней. Трудов на этот счет накопилось великое множество. Ими переполнены все библиотеки. Путешественники, администраторы, купцы, военачальники, мыслители, философы, публицисты, художники, даже литераторы – всем было интересно разобраться: кто есть кто. Первоисточник по древней Руси – Повесть временных лет – уже знает множество народов и племен, и это значит, что уже тогда понимали, чем одни из них отличаются от других.

Взять, к примеру, европейских классиков Бальзака или Стендаля. Каждое их произведение – это тонкое, подробное, даже дотошное описание французов или итальянцев. Чем парижане отличаются от провинциалов, торговцы от аристократии, бретонцы от гасконцев. Русская художественная литература – тоже воплощенная социология, этнография и этнология. От Ломоносова, Радищева и Пушкина до Куприна, Горького и Шолохова.

Казалось бы, в наши дни в познании жизни народов мира не осталось темных или белых пятен. Все известно, подсчитано, классифицировано и описано. Но нет! Этногенез хотя и снизил темпы, но не закончился. Все течет, и потому познание этнических процессов, осуществляемое разными формами сознания, неостановимо. Этим занимается религия, философия, наука, идеология, искусство, наконец – политика. Причем политические интересы, когда чаще, когда реже, оказывают на результаты изучения сильное давление. Например, пока в России все было относительно спокойно, этнография и статистика считали примерно 70-80 коренных этносов, проживающих в ее пределах. Но стоило русскому миру в конце XX века опять возбудиться, начать новый виток становления, и их число чуть ли не удвоилось. Разумеется, речь идет о политических спекуляциях и псевдонаучном шарлатанстве, но они доказывают, насколько остр предмет.

Иное дело – нации, совершенно новое явление в человеческой истории, возникшее в XIX – XX веках. Их описание, изучение и осмысление еще только-только начинается. Мы находимся у его истоков. И поэтому нет ничего удивительного в том, что вокруг наций кипят страсти, разгораются теоретические баталии, а политическую практику переполняют непримиримые, острые, кровавые конфликты. Наука спорит, журналистика провоцирует, а политика ошибается.

До сих пор нет ясности в том, где кончается этнос, то есть народ, и начинается нация. Является ли нация совершенно уникальным феноменом или, как полагают многие, лишь новым этапом в развитии народов? Не избежала и Россия этих роковых вопросов. Возникла ли русская нация? Или она уже погибла, если произошел (что тоже оспаривается) развал Российского государства? Была ли советская нация? Существует ли нация россиян? Если вспомнить первую строку текста Конституции РФ 1993 года, из которой следует, что «мы многонациональный народ», то проблемность национального вопроса становится очевидной.

Серьезное изучение явления, предмета или процесса начинается там, где возможно сосчитать, и где нет спора о терминах. Но в России с 1917 года в том, что такое нация,

никаких споров не существовало. Вопрос был разрешен на самом высоком для того времени уровне.

В брошюре Сталина «Марксизм и национальный вопрос», написанный им в Вене в 1911 году, куда он специально приехал для работы над ней, было дано определение нации: *«исторически сложившаяся общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»*. А в 1929 году, отвечая на вопрос пытливых ученых, Сталин в ответном письме категорически отверг их предложение дополнить характеристику нации наличием собственной государственности. Казалось бы, вполне приемлемый взгляд на вещи. Но все дело в том, что в Европе начала XX века слово «нация», почерпнутое из латыни, обозначало то, что на древнегреческом называлось «этносом». Это были слова-синонимы. В переводе на русский они значат одно и то же - народ. Однако слово «народ» в России тогда не было эквивалентом словам «нация» или «этнос». Народом в тогдашней на 90% крестьянской стране было принято называть простонародье, а состоятельные, образованные, высшие классы – обществом. Теперь слову «общество» придается иной смысл, но становится понятным, почему в сталинской работе появилось слово «нация».

Кроме того, за истекшее столетие изменилось соотношение смысла терминов «этнос» и «нация». Они из синонимов превратились в антонимы, обозначая разные явления.

Что же должны означать эти лингвистические метаморфозы? Непреложный вывод: сталинская работа не имеет отношения к нациям, она посвящена этносам, или *народам* в современном значении этого слова. И второе: теорию наций в России придется разрабатывать с чистого листа и на «национальный вопрос» следует давать другие ответы.

Итак, с точки зрения современной научной лексики, Сталин дал в целом правильный ответ на неправильно сформулированный вопрос. В его определении надо заменить всего лишь одно слово – «нацию» на «этнос». И в теоретическом отношении с «этносом» или «народом» все будет более или менее ясно.

Зато в полосу теоретического тумана попадает «нация». Во-первых, изменение смысла слова «нация» имело свои причины. В мире возникло новое социальное явление, это явление не только не исчезло, но приобрело вполне определенные формы и проявило себя в доминирующем качестве. Следовательно, возникла необходимость дать ему название. Название избрали – «нация», а то, что обычно называли «нацией», стали называть «этносом». Во-вторых, назвать мало, явление еще надо изучить.

Кто начал изучать нации с научной точки зрения? Прежде всего те, кто изучал народы – этнологи, этнографы, демографы, социологи, политологи, психологи и статистики. К ним присоединилось множество других специалистов, которые в области познания наций были настоящими дилетантами. За десятилетия кропотливого энтузиазма они подготовили серьезную исследовательскую почву, главным образом в виде отдельных статей, но и наворотили множество глупостей. В России эти глупости приобрели специфическую форму из-за той путаницы, которая была описана выше. Её, к тому же, многократно усилила публицистика Ленина, направленная против национализма, обильно одобренная русофобией. Но мало кто понял, что во времена Ленина слово «национализм», как и слово «нация», имели отношение к чему угодно, только не к нации.

Нациями, повторим, тогда называли социумы, которые теперь называют этносами, а национализмом, соответственно, этницизм. Тем не менее, лет на 70 суждения «вождя всемирного пролетариата» были возведены в ранг непререкаемых истин, вошли в учебники и стали общим местом в массовом сознании. За это заблуждение Россия расплачивается непомерной ценой, и счёт становится всё больше и больше, потому что хотя отравленную воду ленинизма и вылили из русской колыбели, но рожденный в ней «младенец» успел подрасти.

Итак, что такое этнос или народ, мы знаем. Но как определяется нация? На этот счет пока что нет никакой общепринятой точки зрения. По этому вопросу наука находится

в поиске и дает не столько выводы, сколько гипотезы. Или, подбираясь к такому определению, пока что она ограничивается систематизацией признаков. Возможно, ученым не хочется становиться на скользкой лед политизации, от которой трудно избавиться, поскольку предмет исследования буквально пропитан политикой. Однако, более радикально настроены идеологи: жизнь не стоит на месте и политическая практика требует хотя бы какой-то определенности. В отличие от ученых, политик, чтобы не казаться профаном, никогда не может сказать, что он «не знает». И тогда ему на помощь приходит идеология, которая, не претендуя на объективность, разрабатывает свою систему доказательств.

Нация, в отличие от этноса или народа, *продукт политической истории*, центральное место в которой занимает история государств. Они возникают задолго до того, как образуются этносы и тем более нации. В самом общем виде государства и создают нации. Разумеется, не все, а только те, которые принято называть великими мировыми державами. Дания или Португалия, к примеру, существуют как государства многие столетия, никому в голову не придет охота отрицать существования датчан или португальцев как этносов. Но являются ли они нациями, а Дания и Португалия национальными государствами? Вопрос дискуссионный. Если следовать за практикой ООН¹, то ответ, безусловно, положительный. Но всегда ли политика следует за наукой, тем более еще только рождающейся? Люксембург или Сингапур, по этой логике, тоже населены нациями. Но это не так. В Люксембурге живут немцы, в Сингапуре китайцы, и эти государства – назовём здесь еще Сан-Марино, Лихтенштейн, Науру и т.п. - не более чем прихоть или улыбка истории, исключение из правила. Зато они помогают понять, что на самом деле является нацией.

Нация – это этно-социальная, культурно-историческая и духовно-политическая устойчивая многомиллионная общность, сложившаяся в длительном процессе становления и развития великой державы, создания высокоразвитого хозяйства и укоренения культуры мирового уровня.

Исходя из этого определения, конечно же, дискуссионного, следует, что наций, в отличие от этносов, немного. Меньше десятка – французская, немецкая, итальянская, британская, испанская, китайская, индийская, североамериканская и русская. Обладания минимальным набором общих признаков, нации практически во всем различны и ни в чем не похожи, подчиняясь в своем развитии собственным уникальным закономерностям. Но для современного человечества им приходится выполнять такую же роль, какую в солнечной системе исполняют планеты, или какую в галактике - солнца. Нации, организованные в великие мировые державы, обеспечивают человеческое развитие и предотвращают превращение жизни на земле в сущий ад. Бывает: они конфликтуют и даже воюют между собой время от времени. Но это ничего не значит. «Им претит статика», тогда как движение наций возбуждает тектоническую энергию всемирного созидания, заливая землю солнечным светом.

Один из общих признаков нации – первоначальное этническое ядро, составляющее ее абсолютное или относительное большинство. Обычно в роли такого ядра тот или иной народ оказывается по воле случая, благодаря ряду благоприятных обстоятельств, главным из которых является его энергетика или, по Гумилёву, пассионарность. В России этническим ядром стали великорусы, населявшие северо-восток Русской равнины, политической организацией которых на первоначальном этапе было Владимиро-Суздальское княжество, одно из многих тогда существовавших.

¹ Организация объединенных наций (Charter of the United Nations), насчитывая ныне 192 члена, конечно же, не соответствует своему названию, как в прошлом не соответствовало ему и Лига наций. Членами этих организация являются не нации, а государства, и делегации, работающие в них, состоят из дипломатов, направляемых кабинетами министров соответствующих государств. Если уж требовать от наименований точности, то ООН следовало бы назвать Организацией союзных государств.

Конечно, нация не возникает из ничего. Являясь относительно новым явлением человеческой истории, она аккумулирует все предшествующие формы человеческой самоорганизации, какими являются народы, общества и государства. Каждая из этих институций обладает характерными признаками, которые в дальнейшем формируют лицо нации, ее неповторимые свойства. Для этноса или народа такими чертами являются человек и язык; для общества – семья и традиция; для государства гражданин (когда-то подданный) и закон. Нация, интегрируя все эти свойства, характеризуется общностью мировоззрения (то есть национализмом) и общей историей и культурой.

Духовное единство немцев произошло раньше единства политического, и поэтому в немецкий национализм, немецкая идеология и политика выработали принцип – где немцы, там Германия. Реализация этого принципа свелось к её объединению в единый рейх. Иногда это приходилось делать «железом и кровью», иногда – утопая в праздничных цветах. Аналогичные процессы происходили в современной Италии. Ее тоже пришлось объединять - и тоже железом и кровью - Виктору-Эммануилу, Кавуру и Гарибальди. Нация была создателем национального государства.

Франция развивалась иначе: там государственное единство, стимулированное абсолютной монархией, возникло значительно раньше национального. И поэтому принцип французской идеологии и политики был выражен так: где Франция, там французы. Задача, решаемая государственной властью, заключалась в том, чтобы сделать все народы, проживавшие во французском государстве, французами. Железо и кровь применялось и в этом случае Ришелье, Мазарини и французскими революционерами. Здесь государство создавало нацию.

Несколько столетий обоим этим принципам приходилось встречаться на поле боя. Если Эльзас и Лотарингия - часть Франции, то их жители – французы. Такова была логика Парижа. Если лотарингцы и эльзасцы немцы, полагали в Берлине, то Эльзас и Лотарингия – Германия. В итоге, переходя несколько раз из рук в руки, обе эти провинции отошли к Франции, что в последний раз и произошло в 1945 году в результате мировой войны.

История Россия была иной. Государство российское от морей Варяжского (Русского) и Белого до моря Русского (Чёрного) и от Карпат до Волги возникло в незапамятные времена, когда ее коренным населением было множество славянских и отчасти финно-угорских племен. В таком состоянии оно существовало не менее восьми веков. В качестве народа или этноса русские возникли в конце XIV века, овеянного победами в битвах на реке Воже и на Куликовом поле. В дальнейшем на протяжении шести столетий развитие России являлось сочетанием французской и немецкой моделей. На западе, где значительная часть русских оказалась во власти Швеции, Польши, Австрии и Турции, происходила реализация немецкого принципа, на юге и востоке, населенном инославными и инородными племенами – французского. Таким образом, Государство российское в той же мере создавало русскую нацию, в какой русская нация создавала Государство Российское, и это могло осуществляться благодаря деятельному, последовательному сочетанию двух начал: *Россия там, где русские, и русские там, где Россия.*

Их сосуществование в политической практике обеспечило, по крайней мере, два фундаментальных результата. С одной стороны, Государство российское в конечном итоге объединяло почти всех русских², не допуская их политической разделённости, что происходило после того как Русь подверглась татаро-монгольскому набегу и на протяжении 250-лет она оказалась в вассальной зависимости от Орды. С другой стороны, русским в целом удалось в результате напряженных усилий достигнуть таких внешних

² Вне пределов Государства российского к 1914 году оставались населенные русскими Волынь, Подолия, Галиция, Червоная Русь и Буковина, являвшиеся частью Австро-Венгрии. Эти территории, кроме Прешовской области, были возвращены в состав России (тогда называвшейся Советским Союзом) в 1939 и 1946 годах. Не следует также забывать, что Холмщина и Белосток – русские земли – были после 1945 года переданы правительством Сталина в состав новообразованного польского государства.

границ, которые соответствовали стратегическим потребностям и географической обусловленности. Иначе говоря, оба этих начала обеспечивали для России внутренний мир и внешнюю безопасность.

Таким образом, пройдя более пяти веков политической истории, русская нация сложилась вокруг великорусского народа, включая в свой состав множество иных народов и народностей, тесно связанных с русской государственной, религиозно-духовной, экономической и культурной традицией.

Конец ознакомительного фрагмента